ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Миграционно-правовая оценка брака, заключенного за рубежом: компетенция МВД России и судебный контроль

Максим Борисович Снимщиков[a]
[a] **МФЦ района Дорогомилово**

EDN: FJJGWQ

Аннотация: Настоящая статья является продолжением исследования функций административных органов. В рамках Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» брак выступает юридическим фактом-основанием, способным обусловливать предоставление миграционных статусов и льгот (разрешение на временное проживание, вид на жительство, гражданство, отдельные режимы пребывания и др.). В связи с этим деятельность МВД направлена на контроль применимости брака как миграционного основания, включая проверку допустимости и происхождения документов, достоверности заявленных сведений и добросовестности использования основания. В работе показано, что в правоприменительной практике эта функция реализуется через многоуровневую модель оценки: документарную (легализация / апостиль / конвенционный режим и перевод), реестрово-информационную (сопоставление сведений с данными государственных учетов и межведомственного взаимодействия) и ситуационно-поведенческую (антифрод-логика выявления противоречий и признаков недостоверности основания). Автором сделан вывод о разграничении семейно-правовой действительности брака и его миграционно-правовой «достаточности», а также о корректирующей роли судебного контроля по правилам КАС РФ, ориентированного на проверку компетенции органа, мотивированности отказа и доказательственной обоснованности выводов МВД.

Ключевые слова: брак, заключенный за рубежом, миграционные правоотношения, доказательственный режим, легализация, злоупотребление правом, антифрод-контроль, судебный контроль
Дата поступления статьи в редакцию: 3 февраля 2026 года.

Assessing marriages concluded abroad under migration law: the competence of the Russian Ministry of Internal Affairs and judicial review

Maxim B. Snimshchikov[a]
[a] **Dorogomilovo District Multifunctional Center**

RESEARCH ARTICLE

Abstract: This article is a continuation of the author's examination of the functions of administrative bodies. According to Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002, «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation», marriage is a legal basis that may lead to granting immigration statuses and benefits, such as temporary or permanent residence permits, citizenship, or specific residence regimes. The Ministry of Internal Affairs is responsible for overseeing the use of marriage as a basis for migration. This involves verifying the authenticity and origin of documents, ensuring that the information provided is correct, and determining whether the marriage is being used in good faith. In law enforcement practice, this function is implemented through a multi-level assessment model comprising documentary, registry-information and situational-behavioral elements. The documentary element covers legalization, apostille, convention regime, and translation issues. The registry-information element involves comparing information with data from state registries and interagency cooperation. The situational-behavioral element uses anti-fraud logic to identify contradictions and signs of unreliable grounds. The author concludes that there is a distinction between the validity of a marriage under family law and its «sufficiency» under immigration law. Additionally, the author discusses the corrective role of judicial review under the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. This review focuses on verifying the authority of the relevant agency, the justification for any denial, and the evidentiary basis for the conclusions reached by the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: marriage concluded abroad, immigration law, evidentiary regime, legalization, abuse of rights, anti-fraud control, judicial review
Received: February 3, 2026.

Введение

В российском правопорядке брак, заключенный за пределами Российской Федерации, при соблюдении условий, установленных семейным законодательством, признается действительным в силу закона [Аверина, 2012. С. 67–76; Иловайский, 2022; Марышева, 2025; Федосеева, 2007]. Однако фактическая «работоспособность» брачного статуса в публично-правовых процедурах зависит не только от семейно-правовой действительности, но и от того, может ли данный статус быть принят государственным органом как надлежащее основание для предоставления конкретной административной услуги или публичного блага.

Эта логика наиболее отчетливо проявляется в миграционных правоотношениях. Здесь брак выступает не объектом регистрации, а юридическим фактом-основанием, способным повлечь для заявителя льготный или упрощенный порядок реализации прав: получение разрешения на временное проживание, вида на жительство, отдельных режимов пребывания, а также иные последствия в сфере публичного администрирования миграции. Следовательно, роль миграционных органов (в Российской Федерации – прежде всего, подразделений по вопросам миграции МВД России) принципиально отличается от роли органов записи актов гражданского состояния: миграционные органы не «признают» брак в качестве семейно-правового статуса, а проверяют, допустимо ли использовать брачный статус как миграционное основание.

Таким образом, в системе «жизненного цикла» иностранного брака в российской юрисдикции можно различать несколько функциональных уровней. Органы ЗАГС обеспечивают административное включение брака в публичный документооборот (выдача справок, фиксация сведений в реестрах в предусмотренных законом случаях, использование сведений при совершении регистрационных действий). Нотариат обеспечивает доказательственную пригодность иностранного документа (перевод, свидетельствование копий, формирование допустимой документарной формы). Миграционные органы действуют иначе: они используют уже подготовленный документ как элемент публично-правового основания и решают вопрос не о «существовании брака», а о правомерности предоставления статуса при ссылке на брак.

Эта конструкция позволяет снять методологическое противоречие, нередко возникающее на практике: возможен действительный в семейно-правовом смысле брак, который тем не менее не принимается миграционным органом как достаточное и достоверное основание для предоставления миграционной льготы. Данное расслоение отражает автономию миграционного правового режима: он использует семейный статус как юридический факт, но предъявляет к нему дополнительные требования достоверности, полноты и добросовестности использования.

Оценка брачного статуса как достаточного и достоверного основания для предоставления миграционной льготы

Существенной особенностью миграционного администрирования является его опора на централизованные информационные ресурсы и учетные данные (Государственная информационная система миграционного учета и Центральный банк данных по учету иностранных граждан).

Ключевым субъектом формирования и обработки административных данных о миграции и правовом статусе иностранных граждан в Российской Федерации выступает Главное управление по вопросам миграции МВД России, к которому после упразднения в апреле 2016 года Федеральной миграционной службы перешли полномочия по организации миграционного учета и по принятию значимой части административных решений в миграционной сфере. «Главной особенностью семейной миграции является отсутствие или смягчение большинства условий, которые устанавливают принимающие страны в отношении потенциальных иммигрантов, приезжающих по другим основаниям. Трудовая, образовательная и даже вынужденная миграция регулируется целым набором правил, обеспечивающих отбор мигрантов, которым будет дано право на переезд. Главным отличием политики в отношении семейной миграции является допуск в страну иммигрантов вне зависимости от их уровня образования, квалификации и потенциального вклада в экономику», – отмечает О.С.Чудиновских [Чудиновских, 2020. С. 51–52].

В рамках своей компетенции МВД располагает централизованными массивами данных, содержащими индивидуализированные сведения об иностранных гражданах, временно пребывающих или проживающих в Российской Федерации. В практической плоскости это означает, что рассмотрение заявления, основанного на браке, осуществляется не только по представленным заявителем документам, но и путем сопоставления с доступной учетной информацией: миграционной историей, регистрационными данными, сведениями о пересечениях и режимах пребывания, ранее принятых решениях, а также сведениями, поступающими в рамках межведомственного взаимодействия.

Именно информационно-учетная модель объясняет специфику миграционной «оценки» брака: миграционный орган работает не с браком как со-

циальным явлением и не с намерениями супругов, а с юридическим фактом и его следами в административных данных. Поэтому ключевым критерием для миграционного производства становится согласованность представленного основания с учетными данными и отсутствие противоречий, которые могли бы поставить под сомнение правомерность предоставления статуса.

Признание брака с иностранным элементом в сфере миграционных правоотношений обладает выраженной спецификой, принципиально отличающей его как от административного допуска брака через органы ЗАГС, так и от судебного установления брачного статуса. Миграционные органы не ограничиваются констатацией юридического факта существования брака и его формальной действительности по праву места заключения. Их задача носит функциональный характер и заключается в оценке того, дает ли данный брак право на получение конкретной миграционной льготы или правового статуса, такого как разрешение на временное проживание, вид на жительство, гражданство или право на воссоединение семьи. Именно этим объясняется применение в миграционной сфере наиболее жесткого и многоуровневого доказательственного режима.

В миграционных правоотношениях брак приобретает значение не сам по себе, а постольку, поскольку закон связывает с ним определенные правовые эффекты. В типовой ситуации брак с гражданином Российской Федерации либо с иностранным гражданином, обладающим устойчивым правовым статусом, может влиять на порядок обращения за миграционным статусом или на оценку основания пребывания и проживания. В зависимости от конкретной процедуры брак может выступать основанием для обращения в упрощенном порядке, фактором, влияющим на объем проверок, либо условием применения специальных правил.

При этом миграционный орган не вправе подменять юридическую конструкцию: если Федеральный закон предусматривает возможность предоставления статуса при наличии брака и иных условий, орган должен рассматривать брак именно как юридический факт-основание, а не как предмет самостоятельной «проверки на действительность». Однако в рамках миграционной компетенции орган вправе и обязан:

- проверить, относится ли представленный документ к числу допустимых доказательств;
- установить, подтверждает ли документ заявляемый факт именно в отношении конкретных лиц;
- оценить, не противоречат ли заявленные сведения учетной информации;
- выявить признаки недостоверности или злоупотребления правом при ссылке на брак.

Следовательно, миграционно-правовой смысл брака – это не подтверждение семейного статуса как такового, а доказательство правомерности предоставления статуса, который имеет публично-правовую природу.

Источником регулирования в таком сценарии выступает совокупность норм миграционного законодательства и подзаконного регулирования. Центральное место занимает федеральное законодательство, определяющее условия и основания предоставления миграционных статусов и льгот. Его дополняют административные регламенты органов внутренних дел, детализирующие порядок приема, проверки и оценки документов, представляемых заявителями. Существенную роль играют подзаконные акты и ведомственные инструкции, направленные на проверку достоверности сведений и выявление злоупотреблений, включая фиктивные браки [Фролов, Агуреева, 2020. С. 17–30; Закирова, 2014]. Эти документы формируют нормативную основу для оценки.

В рамках миграционных правоотношений брак не выступает объектом самостоятельного признания или регистрации со стороны миграционных органов. Его правовое значение проявляется исключительно как юридический факт-основание, способный обусловливать возникновение у иностранного гражданина либо лица без гражданства определенных миграционно-правовых преимуществ, таких как возможность обращения за разрешением на временное проживание или видом на жительство в упрощенном порядке, исключение из квоты либо применение специальных процедур, предусмотренных Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Соответственно, деятельность органов внутренних дел в сфере миграции не направлена на оценку брака с точки зрения его действительности в семейно-правовом смысле. Признание брака как личного статуса осуществляется в силу норм семейного законодательства и не зависит от усмотрения миграционного органа. В компетенцию миграционной службы входит иная задача: контроль обоснованности использования брака как миграционного основания, то есть проверка того, может ли данный юридический факт быть принят во внимание при принятии конкретного административного решения.

В прикладном измерении такой контроль реализуется по нескольким взаимосвязанным направлениям. Во-первых, оценивается характер представления документа, подтверждающего заключение брака: его происхождение от компетентного иностранного органа, соблюдение требований ле-

гализации, апостилирования либо освобождения от этих процедур в силу международного договора, а также наличие корректного перевода на русский язык, обеспечивающего допустимость документа в официальном обороте. Во-вторых, осуществляется проверка достоверности сообщенных заявителем сведений, включая отсутствие признаков подложности документов, внутренних противоречий, несоответствий персональных данных, а также сокрытия информации, имеющей значение для миграционного решения. В-третьих, анализируется добросовестность использования брака как основания обращения, то есть отсутствие совокупности признаков, указывающих на формальный или инструментальный характер брачной связи, направленной исключительно на получение миграционного статуса.

При этом принципиально важно подчеркнуть, что миграционный орган не устанавливает фиктивность брака как семейно-правовую категорию и не решает вопрос о его недействительности. Он лишь фиксирует наличие либо отсутствие достаточных и достоверных оснований для использования брака в конкретной миграционной процедуре. Именно в этом контексте в ведомственных разъяснениях и административной практике фиктивный брак фигурирует не как объект семейно-правовой квалификации, а как типичный риск-фактор, свидетельствующий о возможной недобросовестности заявителя и недостоверности основания обращения.

Таким образом, миграционный контроль брака носит функционально-прикладной характер и направлен не на пересмотр семейного статуса лица, а на защиту публичных интересов в сфере миграционного регулирования. Он реализуется в пределах административной компетенции органа и не подменяет собой ни судебную оценку брака, ни механизмы его признания, предусмотренные семейным и международным частным правом.

В системе миграционного регулирования Российской Федерации брак с гражданином Российской Федерации либо с иностранным гражданином, имеющим устойчивый правовой статус, выступает одним из возможных юридических оснований для приобретения или изменения миграционного статуса иностранного лица. Соответствующие правовые последствия прямо или опосредованно предусмотрены нормами Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В частности, значение брака проявляется при реализации положений статьи 6 (разрешение на временное проживание), статьи 8 (вид на жительство), статьи 10 (основания пребывания и проживания), а также при применении норм, связанных с воссоединением семьи и оценкой законности нахождения иностранного гражданина на территории Российской Федерации.

При этом использование брака в миграционных правоотношениях не означает его признание миграционными органами в семейно-правовом смысле. Действительность брака как личного статуса определяется в силу положений статьи 158 Семейного кодекса Российской Федерации и не ставится в зависимость от усмотрения органов внутренних дел. Вместе с тем органы, уполномоченные осуществлять миграционный контроль (подразделения по вопросам миграции МВД России), наделены правом и обязанностью оценивать, может ли представленный брак быть принят в качестве достоверного и достаточного основания для принятия конкретного административного решения в сфере миграции. Эта оценка осуществляется в рамках публично-правовой компетенции и не тождественна установлению фиктивности брака как института семейного права.

В практическом аспекте деятельность миграционных органов при использовании брака, заключенного за рубежом, в качестве юридического основания для принятия публично-правовых решений строится на многоуровневой системе оценки представленных сведений и документов. При этом речь идет не о признании брака как семейно-правового состояния, которое осуществляется в силу закона, а об оценке допустимости и достоверности соответствующего основания в контексте конкретного миграционного правоотношения. Анализ правоприменительной практики позволяет выделить три взаимосвязанных слоя доказательственного и информационного контроля, используемых миграционными органами.

Первый слой носит документарный характер и связан с проверкой формальной пригодности иностранного документа о заключении брака для использования в российском правопорядке. На этом уровне оценивается наличие официального свидетельства о браке, выданного компетентным органом иностранного государства, а также соблюдение требований к подтверждению его подлинности в соответствии с частью 1 статьи 13 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» и применимыми международными договорами Российской Федерации. Такая проверка включает установление факта консульской легализации или проставления апостиля либо выяснение наличия международного договора Российской Федерации, освобождающего от указанных процедур. Существенное значение имеет также представление перевода документа на русский

язык, как правило, удостоверенного нотариально, что обеспечивает его допустимость в официальном обороте. На этом этапе миграционный орган фактически опирается на результаты ранее совершенных нотариальных и административных действий, не осуществляя самостоятельной правовой оценки брака как такового.

Второй слой можно охарактеризовать как реестрово-информационный. Он направлен на сопоставление сведений, содержащихся в представленных документах, с данными, имеющимися в государственных информационных системах и учетах. В соответствии с положениями статьи 6.1, статьи 8 и статьи 10 Федерального закона № 115-ФЗ, а также подзаконных актов МВД России осуществляются сопоставление персональных данных заявителя и его супруга, анализ миграционной истории иностранного гражданина, проверка регистрационного учета по месту пребывания или проживания, а также направление запросов в иные государственные органы в рамках межведомственного информационного взаимодействия. Дополнительно могут учитываться сведения о совместном проживании, наличии общих детей, имущественных или социальных связей, если такая информация доступна миграционному органу в рамках межведомственного взаимодействия. Данный слой не направлен на установление содержания семейных отношений, но позволяет выявить согласованность либо расхождение представленных данных с объективной информационной средой.

Третий слой носит ситуационно-поведенческий характер и связан с применением антифрод-подхода при оценке основания для принятия миграционного решения [Камалян, 2018; Филимонова, 2014]. В рамках этого уровня анализ осуществляется не в категориях семейного права или моральной оценки брака, а с точки зрения правдоподобия и добросовестности заявленного основания. Миграционные органы фиксируют возможные несоответствия и противоречия в датах, маршрутах перемещения, объяснениях сторон, отсутствие каких-либо иных следов совместной жизнедеятельности помимо самого документа о браке. Они не подменяют собой судебный контроль, предусмотренный статьями 27–30 Семейного кодекса Российской Федерации, в которых брачная связь фактически сводится к однократному получению юридического документа без последующего проявления устойчивых социальных, бытовых или правовых связей, ожидаемых при использовании брака как основания для миграционных привилегий.

При этом принципиально важно подчеркнуть, что в рамках указанного анализа миграционные органы не устанавливают фиктивность брака как семейно-правовую категорию и не наделены полномочиями по признанию брака недействительным, не подменяют собой судебный контроль, предусмотренный статьями 27–30 Семейного кодекса Российской Федерации. Их деятельность ограничивается оценкой достоверности и достаточности заявленного основания для целей конкретного миграционного решения. Фиксация признаков недостоверности или искусственности брачной связи осуществляется исключительно в целях отказа в предоставлении конкретной миграционной льготы либо в принятии административного решения, предусмотренного Федеральным законом № 115-ФЗ. Таким образом, миграционные органы действуют в пределах публично-правового режима оценки основания для предоставления миграционного статуса, не вмешиваясь ни в сферу материального семейного права, ни в судебные механизмы его оценки.

В результате брак, заключенный за рубежом и признаваемый действительным в Российской Федерации в силу закона, может сохранять свой семейно-правовой статус, но при этом не приниматься миграционными органами в качестве достаточного и достоверного основания для предоставления конкретных миграционных прав. Это разграничение подчеркивает автономию миграционного правового режима и подтверждает, что использование брака в сфере миграции предполагает не его повторное признание, а прохождение дополнительного публично-правового фильтра, направленного на защиту целей и интересов миграционной политики государства.

В рамках миграционных процедур проверке подлежит значительно более широкий круг обстоятельств, чем в иных сценариях признания брака. Административные нормы позволяют миграционным органам проверять подлинность представленного документа о браке, в том числе через запросы в компетентные органы иностранного государства, анализировать соответствие формы и содержания документа установленным требованиям, а также сопоставлять данные, содержащиеся в нем, с информацией из иных государственных реестров и баз данных. Кроме того, оценивается длительность брака, поскольку законодательство и правоприменительная практика нередко связывают предоставление определенных льгот с определенным периодом существования брачных отношений.

Особое внимание уделяется фактическим отношениям между супругами. Миграционные органы вправе анализировать наличие совместного проживания, ведения общего хозяйства, общих детей,

а также иные обстоятельства, свидетельствующие о реальности семейной жизни. Эти элементы не всегда имеют решающее значение для признания брака как юридического факта в семейном праве, однако в миграционной сфере они приобретают самостоятельное значение как индикаторы добросовестности и отсутствия злоупотребления правом. Сопоставление сведений из разных источников позволяет выявлять противоречия и несоответствия, которые могут послужить основанием для отказа или проведения дополнительной проверки.

Даже при формально действительном браке, признанном по семейному праву, миграционные органы вправе отказать в предоставлении льготы или статуса, если придут к выводу о недостаточности представленных доказательств или о том, что брак не отвечает целям конкретной миграционной нормы. В таких случаях может быть инициирована дополнительная проверка, а сам брак может быть квалифицирован как «недостаточный» для достижения заявленной цели, не отрицая при этом его юридического существования.

Изложенный функциональный подход к роли миграционных органов последовательно находит отражение и в судебной практике по спорам, связанным с отказами органов МВД России в предоставлении миграционных статусов, основанных на браке с гражданином Российской Федерации. Суды, рассматривая соответствующие административные дела, как правило, исходят из того, что предметом судебной проверки является не действительность брака как семейно-правового института, а законность и обоснованность выводов миграционного органа о недоказанности либо недостоверности заявленного миграционного основания.

В судебных актах подчеркивается, что сам по себе факт наличия зарегистрированного брака, в том числе заключенного за рубежом и признанного действительным в силу статьи 158 Семейного кодекса Российской Федерации, не освобождает заявителя от обязанности подтвердить добросовестность использования данного факта в миграционной процедуре. При этом суды указывают, что органы МВД вправе оценивать совокупность представленных доказательств – документы, сведения миграционного учета, данные межведомственных проверок, объяснения сторон – исключительно в контексте достаточности основания для принятия конкретного административного решения, а не с целью установления фиктивности брака как такового.

Характерным для судебной практики является вывод о том, что отказ в предоставлении миграционного статуса не означает непризнание брака и не затрагивает семейно-правовой статус заявителя. Такой отказ квалифицируется судами как следствие выявления противоречий, неполноты либо недостоверности сведений, свидетельствующих о невозможности использования брака в качестве правового основания в рамках Федерального закона № 115-ФЗ. Тем самым судебные инстанции проводят четкое разграничение между сферой семейного права и сферой миграционного администрирования, подтверждая, что контроль миграционного основания не тождествен признанию либо непризнанию брака.

В результате судебная практика фактически институционализирует подход, при котором миграционные органы реализуют функцию, направленную на предотвращение недобросовестного использования брака в целях обхода миграционных требований, не выходя при этом за пределы своей компетенции и не подменяя собой суды либо органы записи актов гражданского состояния. Такое толкование обеспечивает баланс между презумпцией действительности брака и публичным интересом в сфере миграционного регулирования, что придает устойчивость всей системе признания и использования брака с иностранным элементом в российском правопорядке.

Административная практика МВД РФ: логика отказов

В практическом обороте отказы в предоставлении миграционного статуса, основанного на браке, обычно формулируются не как «непризнание брака», а через конструкции:

- непредставления необходимых документов или представления документов, не отвечающих требованиям допустимости;
- недостоверности сведений;
- противоречивости данных, выявленной при проверке;
- недостаточности доказательственной базы для применения льготного порядка;
- невозможности сделать вывод о наличии надлежащего основания для конкретного административного решения.

Типовая административная аргументация выстраивается вокруг того, что представленные материалы не подтверждают наличие устойчивых семейных связей, имеющих значение для целей миграционного регулирования, либо что совокупность обстоятельств свидетельствует об использовании брака в основном как инструмента получения преимуществ. В юридически корректном виде такие формулировки должны быть максимально конкретизированы: какие именно сведе-

ния противоречат учетам, какие документы отсутствуют, какие объяснения не согласуются, какие фактические обстоятельства не подтверждены.

С методологической точки зрения важно различать две ситуации:

1) дефект документа (неправильная форма, отсутствие легализации / апостиля / перевода, невозможность идентификации лиц) – это отказ, основанный на недопустимости доказательства;

2) дефект основания (противоречия, недостоверность, несогласованность сведений) – это отказ, основанный на невозможности признать заявленный юридический факт достаточным для предоставления статуса.

Такая практика корреспондирует с положениями статьи 8 и статьи 10 ФЗ № 115-ФЗ, в рамках которых орган МВД оценивает не сам брак как юридический факт, а возможность признания его достаточным основанием для предоставления конкретного правового статуса. При этом выявление противоречий, несоответствий либо отсутствия объективных подтверждений совместной жизнедеятельности используется как аргумент в пользу отказа в административной услуге, но не как вывод о недействительности брака. В обеих ситуациях не происходит «отмены» брака как семейного статуса. Происходит административное решение о том, что при данных материалах публично-правовое последствие (миграционный статус или льгота) предоставлено быть не может.

Разграничение компетенций: миграционный контроль и семейное право

Принципиальным условием правомерности действий миграционных органов является соблюдение границ компетенции. Органы МВД:

- не применяют семейно-правовые основания недействительности брака;
- не признают брак фиктивным как семейно-правовую категорию;
- не устраняют и не изменяют семейный статус лица.

Их деятельность относится к сфере публичного администрирования, где брак выступает юридическим фактом-основанием. Следовательно, ключевой правовой вопрос формулируется так: может ли государство предоставить публично-правовой статус, если имеются сомнения в достоверности основания либо недостаточность доказательств? В миграционном регулировании ответ, как правило, строится на презумпции необходимости строгой проверки и защиты публичных интересов, однако эта проверка должна быть осуществлена в процессуально корректной форме и с надлежащей мотивировкой.

Таким образом, даже при наличии признаков формального характера брачной связи брак продолжает существовать и признаваться в семейно-правовом смысле, но может быть исключен из числа оснований для получения миграционной льготы – до тех пор, пока заявитель не подтвердит основание допустимыми и достаточными доказательствами.

Решения органов МВД об отказе в предоставлении миграционного статуса либо в признании брака достаточным основанием для целей миграции подлежат судебному контролю в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации[1]. В соответствии со статьями 218 и 219 КАС РФ иностранный гражданин вправе оспорить действия (бездействие) и решения органа публичной власти, если считает, что они нарушают его права и законные интересы.

Судебная практика по данной категории дел выстраивается вокруг проверки:

- соблюдения органом МВД пределов своей компетенции;
- обоснованности выводов о недостоверности заявленного основания;
- достаточности и допустимости доказательств, положенных в основу отказа;
- отсутствия подмены миграционного контроля оценкой брака как семейно-правового института.

Суды, как правило, исходят из того, что органы МВД вправе оценивать совокупность обстоятельств, связанных с использованием брака в миграционных целях, однако не вправе оперировать категориями «фиктивности брака» вне рамок семейного законодательства и не могут игнорировать надлежащим образом оформленные и легализованные документы без мотивированного обоснования. При выявлении формального либо шаблонного подхода к отказу судебные органы нередко признают соответствующие решения незаконными и возлагают на МВД обязанность повторного рассмотрения заявления.

Показательной для понимания пределов компетенции органов МВД Российской Федерации в миграционных процедурах является судебная практика по оспариванию отказов и иных негативных административных решений, принятых в отношении иностранных граждан, состоящих в браке с гражданами Российской Федерации либо ссылающихся на брак как на миграционное основание. Анализ таких дел демонстрирует, что суды,

1 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2015. № 10. Ст. 1391 (с изм. и доп.).

как правило, не подменяют собой миграционные органы в оценке обстоятельств, но последовательно проверяют соблюдение ими процессуальных требований и законность использования дискреционных полномочий.

Так, в практике районных судов встречаются дела, в которых предметом оспаривания выступает отказ органа МВД не в предоставлении конкретного миграционного статуса по существу, а в принятии или рассмотрении заявления иностранного гражданина. В одном из таких дел, рассмотренном Измайловским районным судом города Москвы, иностранный гражданин обжаловал решение Главного управления по вопросам миграции МВД России, выразившееся в отказе в рассмотрении его миграционного обращения. Суд пришел к выводу о незаконности действий миграционного органа, указав на нарушение установленного порядка и сроков рассмотрения заявления, а также на отсутствие надлежащего мотивированного решения, позволяющего заявителю понять причины отказа и реализовать право на их обжалование. В данном случае суд подчеркнул, что даже при наличии сомнений в достаточности миграционного основания орган МВД не вправе уклоняться от рассмотрения заявления и обязан действовать в рамках установленной административной процедуры.

Другую группу судебных актов образуют дела, связанные с аннулированием ранее предоставленных миграционных статусов. Примером может служить дело, рассмотренное судебной коллегией по административным делам Саратовского областного суда, в рамках которого было оспорено решение Главного управления МВД России по Саратовской области об аннулировании вида на жительство иностранного гражданина. Суд апелляционной инстанции признал решение миграционного органа незаконным и отменил его, указав на недостаточность и формальный характер проверки обстоятельств, положенных в основу аннулирования, а также на несоблюдение требований к мотивировке административного акта. При этом суд отметил, что само по себе наличие у органа сомнений в добросовестности использования брака в качестве миграционного основания не освобождает его от обязанности всесторонне исследовать фактические данные и надлежащим образом зафиксировать выявленные противоречия[2].

Оба приведенных примера иллюстрируют устойчивую позицию судов, согласно которой миграционные органы вправе осуществлять контроль за использованием брака как основания для предоставления миграционных прав, однако такой контроль должен осуществляться строго в рамках закона, с соблюдением процессуальных гарантий заявителя. Судебная практика исходит из того, что отказ либо аннулирование миграционного статуса не может основываться на абстрактных предположениях или формальных ссылках на «сомнительность» брака, а требует четкого указания на конкретные обстоятельства, подтверждающие недостоверность либо недостаточность заявленного основания.

Так, суды требуют мотивированности: любые решения органов МВД об отказе должны быть обоснованы конкретными нормами Федерального закона № 115-ФЗ и соответствовать требованиям процессуального законодательства (например, соблюдение сроков, анализ всех доводов заявителя). Семейный статус (брак) не может быть подменен оценкой миграционных рисков: отказы, прямо основанные на браке, как правило, пересматриваются в суде только в части процедурных нарушений. Признание брака – это семейно-правовой факт, определяемый Семейным кодексом РФ, а миграционный орган может отказать только при нарушении порядка или в случае недостоверности сведений / поддельных документов. Российские суды подчеркивают границы компетенции органов власти[3].

Тем самым судебный контроль в данной категории дел выполняет корректирующую функцию, ограничивая риск подмены контроля миграционного основания фактической оценкой брака как семейно-правового института. Суды последовательно подчеркивают, что предметом их проверки является законность административного решения и соблюдение процедурных стандартов, а не признание либо непризнание брака как юридического факта, что обеспечивает баланс публичных интересов в сфере миграционной политики и защиты прав частных лиц.

Заключение

Функциональный характер оценки брака в миграционных процедурах и усиленный доказатель-

2 Подробнее см.: Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения судами Саратовской области административных дел, связанных с применением миграционного законодательства, за 2023 год. https://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?id=11&name=docum_sud

3 См.: Справка о результатах изучения практики рассмотрения дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц, уполномоченных на осуществление функций по контролю в сфере миграции. https://grozzzny.ru/s-p-r-a-v-k-a-o-rezultatax-izucheniya-praktiki-rassmotreniya-del-ob-osparivanii-reshenij-dejstvij-bezdejstviya-organov-i-dolzhnostnyx-lic-upolnomochennyx-na-osushhestvlenie-funkcij-po-kontrolyu-v-2/?utm

ственный режим, применяемый органами внутренних дел, корреспондируют с общими целями и приоритетами государственной миграционной политики Российской Федерации. В частности, соответствующий подход находит нормативное закрепление и концептуальное обоснование в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 года № 738[4].

В Концепции государственная миграционная политика определяется как система мер, направленных, с одной стороны, на создание условий для законной миграции и интеграции иностранных граждан, а с другой – на предотвращение злоупотреблений миграционными режимами и недобросовестного использования правовых оснований пребывания и проживания на территории Российской Федерации. В числе ключевых направлений реализации миграционной политики прямо обозначается задача повышения качества миграционного администрирования, в том числе за счет усиления контроля достоверности сведений, заявляемых иностранными гражданами при обращении за государственными услугами в сфере миграции, а также развития межведомственного информационного взаимодействия и использования государственных информационных ресурсов.

В этом контексте брак с гражданином Российской Федерации либо с иным лицом, обладающим устойчивым правовым статусом, рассматривается не как безусловное основание для предоставления миграционных льгот, а как юридический факт, подлежащий проверке с точки зрения его применимости для целей миграционного регулирования. Концепция исходит из необходимости дифференцированного подхода к использованию личных и семейных связей в миграционных процедурах, что предполагает оценку не только формального наличия документа, но и его согласованности с учетными данными, а также отсутствия признаков злоупотребления правом.

Таким образом, практика миграционных органов по проверке допустимости и достоверности брака как миграционного основания укладывается в рамки стратегических установок государственной миграционной политики на 2026–2030 годы. Применяемая подразделениями по вопросам миграции МВД России многоуровневая модель контроля – документарная, реестрово-информационная и ситуационно-поведенческая – отражает реализацию задач, сформулированных в Концепции, и направлена на достижение баланса между презумпцией действительности брака как семейно-правового статуса и публичным интересом в обеспечении законности миграционных процессов.

Включение брака в сферу миграционного контроля при сохранении его автономии как института семейного права подтверждает, что современная государственная миграционная политика ориентирована не на пересмотр личного статуса иностранных граждан, а на предотвращение недобросовестного использования правовых конструкций, включая семейные связи, в целях обхода требований миграционного законодательства.

Роль миграционных органов в использовании брака, заключенного за рубежом, определяется публично-правовой природой миграционного статуса как административного блага и необходимостью защиты целей миграционной политики государства. Миграционные органы не осуществляют признание брака как семейно-правового статуса и не оценивают его действительность в смысле семейного права. Их функция заключается в контроле применимости брака как миграционного основания, что предполагает многоуровневую проверку документов и сведений.

Практическая модель миграционной оценки брака может быть описана через три слоя: документарный, реестрово-информационный и антифрод-слой. Каждый из них имеет собственные границы, юридическую цель и процессуальные требования. Итогом проверки может быть как предоставление статуса, так и отказ, но отказ при этом должен строиться не на тезисе «брак не признается», а на мотивированном выводе о недоказанности или недостоверности основания, релевантного для конкретной миграционной процедуры.

Большое значение имеет разграничение: семейно-правовая действительность брака и миграционно-правовая достаточность брака для предоставления статуса. Это расслоение не является дефектом правовой системы; напротив, оно отражает функциональную дифференциацию отраслевых режимов. Судебный контроль по правилам КАС РФ обеспечивает баланс между публичным интересом и защитой прав заявителя, проверяя компетенцию органа, соблюдение процедуры, мотивированность отказа и доказательственную состоятельность выводов МВД.

4 Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: утв. Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 года № 738. http://pravo.gov.ru

Литература

Аверина К.Н. Особенности правового регулирования брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом. *Международное право и международные организации*. 2012. № 4. С. 67–76. EDN: PVFOOZ

Закирова С.В. Правовое регулирование брачных отношений в законодательстве Российской Федерации. Дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. EDN: KQXRCT

Иловайский И.Б. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом: учеб. пособие. Волгоград, 2022. EDN: XCEIVY

Камалян М.А. Фиктивный брак в миграционном контексте: проблемы выявления и противодействия. *Конституционное и муниципальное право*. 2018. № 3. С. 56–58. EDN: TIGKFV

Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России / 2-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2025. https://doi.org/10.12737/1905570. EDN: CZHZRA

Федосеева Г.Ю. Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации. Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. EDN: QDYGJL

Филимонова И.В. Фиктивный брак как разновидность фиктивного семейно-правового состояния: проблемы законодательного регулирования. *Современные научные исследования и инновации*. 2014. № 11. Ч. 3. С. 84–91.

Фролов А.И., Агуреева М.В. Фиктивный брак в российском семейном праве: проблемы регулирования и пути их решения. *Юридическая наука и практика*. 2020. № 1. С. 17–30. https://doi.org/10.25205/2542-0410-2020-16-1-17-30. EDN: WKVDDG

Чудиновских О.С. Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации. *Вопросы статистики*. 2020. Т. 27. № 4. С. 24–52. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52. EDN: KLGGGL

References

Averina K.N. Specific features of the legal regulation of marital and family relations with a foreign element. *International Law and International Organizations*. 2012. No. 4. P. 67–76. EDN: PVFOOZ. In Russian

Zakirova S.V. Legal regulation of marital relations in the legislation of the Russian Federation. Dissertation of a Candidate of Legal Sciences. Krasnodar, 2014. EDN: KQXRCT. In Russian

Ilovaisky I.B. Legal regulation of marital and family relations with a foreign element: a study guide. Volgograd, 2022. EDN: XCEIVY. In Russian

Kamalyan M.A. Fictitious marriage in the migration context: problems of detection and counteraction. *Constitutional and municipal law*. 2018. No. 3. P. 56–58. EDN: TIGKFV. In Russian

Marysheva N.I. Family relations involving foreigners: legal regulation in Russia / 2nd ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2025. https://doi.org/10.12737/1905570. EDN: CZHZRA. In Russian

Fedoseeva G.Yu. Marital and family relations as an object of private international law of the Russian Federation. Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Moscow, 2007. EDN: QDYGJL. In Russian

Filimonova I.V. A sham marriage as a kind of fictitious family law states: problems of legal regulation. *Modern scientific researches and innovations*. 2014. No. 11. Part 3. P. 84–91. In Russian

Frolov A.I., Agureeva M.V. Sham marriage in the Russian family law: the problems of legal adjustment and the ways of their solution. *Juridical science and practice*. 2020. No. 1. P. 17–30. https://doi.org/10.25205/2542-0410-2020-16-1-17-30. EDN: WKVDDG. In Russian

Chudinovskikh O.S. Measuring family migration in Russia: Sources of data and problems of its interpretation. *Voprosy statistiki*. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 24–52. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52. EDN: KLGGGL. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Максим Борисович Снимщиков, руководитель
МФЦ района Дорогомилово (Российская Федерация, 121059, Москва, пл. Киевского вокзала, 2). E-mail: max@max999.ru

Для цитирования: *Снимщиков М.Б.* Миграционно-правовая оценка брака, заключенного за рубежом: компетенция МВД России и судебный контроль. *Государственная служба.* 2026. № 3. С. 62–71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Maxim B. Snimshchikov, Director
Dorogomilovo District Multifunctional Center (2, Kiyevskogo Vokzala Square, Moscow, 121059, Russian Federation).
E-mail: max@max999.ru

For citation: *Snimshchikov M.B.* Assessing marriages concluded abroad under migration law: the competence of the Russian Ministry of Internal Affairs and judicial review. *Public Administration*. 2026. No. 3. P. 62–71.